

невыразимого) момент метафизического перехода романтического героя А. Башлачева из «часового» в сознание, причастное к организации вневременной, космической формы бытия. В тексте отражается только процесс движения внутренних потенций героя по пути приобщения к тайному. Важно то, что автор использует прием кольцевой композиции, обрамляя текстовое пространство знаками, метафорами смерти героя: «Эх, налей посошок, да зашей мой мешок — / На строку — по стежку, а на слова — по два шва. / И пусть сырая метель мелко вьет канитель / И пеньковую пряжу плетет в кружева. <...> Так зашивай мой мешок да наливай посошок! / На строку — по глотку, а на слова — и все два. / И пусть сырая метель все кроит белый шелк, / Мелко вьет канитель, да плетет кружева» (76).

Примечания

1. *Башлачев А. Посошок* // Башлачев А. Стихотворения / Вступ. ст. А. Житинского. Л., 1990. Все тексты цитируются по этому изданию с указанием в круглых скобках страницы.
2. *Башлачев А. «В чистом поле дожди косые...»* // mp3 А. Башлачев 2002.

© Ивашкин С. Н.
г. Москва

ПОЭТИКА ДОКУМЕНТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ И КУЛЬТУРЕ

С какой целью литература использует подлинники и симулякры документов или текстов, уравненных им по статусу? Каким образом существует этот тип текстов внутри авторского повествования и какова его внутренняя структура? Каково место документа в поэтике художественного текста и текста культуры? Исчерпывается ли функция документа созданием ценностного фона в эффекте «достоверности» литературного текста, отсылающего к социально-культурным и политико-экономическим реалиям описываемой им эпохи?

Постановления, приказы, свидетельские показания, планы, записки, книги жалоб, газетные заметки, телеграммы, письма, автографы, мемуары, списки, афиши, билеты — все это формирует жанровую сферу документного текста в культуре и литературе. В художественном мире они копируются, имитируются, пересказываются, упоминаются, играя важную роль в социально-культурной, речевой характеристике персонажей, в сюжетно-композиционном целом литературного текста.

В культуре как иерархизированном целом документ является не просто формой и средством общения между различными уровнями этой иерархии, но и способом осуществления власти, устанавливающей саму содержательную структуру иерархии. Иными словами, документ как «иерархический» текст — не столько порождаемый, сколько порождающий текст в семантике и прагматике культуры. Достоверность повествования — только один из

эффектов, достигаемых литературой в художественном использовании того или иного документа. Эта литературная достоверность совершенно отлична от эффекта подлинности, аутентичности, без которого документ немислим в социальной сфере культуры, поскольку литература — всегда сотворение нового ценностного мира, построенное на смещении смысловых эффектов.

В основе документа как такового лежит универсальная общезначимость и однозначность слова, кредит и гарантии ответственности, закрепленные в подписи принадлежащего к одному из уровней иерархии субъекта. Документ в сфере социальной коммуникации культуры выстраивает отношения между управляющим и подчиненным, производителем и потребителем, адресантом и реципиентом, субъектом и объектом социального действия. Документ в литературном произведении — текст в тексте, заставляющий по-новому посмотреть, если не поставить под сомнение саму структуру власти, порядок иерархии, организацию дискурса по отношению к тому, что от них ускользает и им не подчиняется, — всегда неоднозначное и единичное сосуществование автора и героя в художественном событии. В этом смысле документ является как бы *alter ego* литературного текста: в любой момент времени он содержательно определим и репродуцируем в отличие от единственной, неповторимой и многозначной формы художественного завершения.

Творчество А. П. Чехова представляет собой богатый материал для анализа поэтики документа в художественном тексте: документ и сама сфера делопроизводства могут быть в чеховском рассказе и социально-бытовым фоном, и сюжетно значимым мотивом, порождающим событийное ожидание, и многозначным символом человеческих взаимоотношений и судьбы героя. Совершенно особая роль документов возникает в рассказе «Беда». Здесь подписание документов без осознания содержания приводит Авдеева к крушению судьбы — к разорению и ссылке. Действие документов на жизнь персонажей этого рассказа судьбоносно, однако смысл и содержание бумаг и счетов не явлено ни читателям, ни персонажам. Оно домысливается читателем и может быть различным. Для Авдеева содержание документов представляется незначительным и закрытым для понимания, бессмысленным, не способным повлиять на его жизнеустройство.

Документом может быть и оставленный автограф в тетради. Так, автограф «Монтигомо Ястребиный Коготь» — это знак памяти, результат ролевой игры, которая представлена в рассказе «Мальчики». Вне игры Монтигомо — ученик второго класса Чечевицын, но входит он в письменную память под игровым именем. Интересно, что для автора рассказа серьезная деловая бумага, составленная урядником для организации поиска пропавших детей, не представляет особого художественного интереса, а только упоминается. Содержание и форма этого документа не раскрываются, они домысливаются из контекста.

В рассказе «Мороз» передается содержание праздничной афиши о событиях в городе на Крещение о том, что будет организован каток, будет играть оркестр, будет лотерея, электрическое солнце. Далее нарратором создается иллюзия, что события развиваются согласно объявленному пла-

ну. Все говорящие персонажи собираются на катке наблюдать за катающимися конькобежцами. Начинает играть военный оркестр. Афиша в этом рассказе выполняет функцию экспозиции. Но функция афиши одновременно является и ложным ходом автора, организующим читательские сюжетные ожидания. Однако главная фабула связана с темой мороза и воспоминаниями о нем городского головы, губернатора, правящего архиерея. Эти воспоминания — встроены сюжеты, самостоятельные повествования, которые никак не могут быть отражены афишей. Интрига рассказа такова: состоятся события или нет, состоятся они или помешает мороз, в каком виде состоятся гулянья — так ли, как указано в афише? Рассказ строится на контрасте ожидания, заданного документом, и его отражении в реальном воплощении. Лабиринт текста для читателя предстает в виде двойного обмана: читателю заранее известно, что объявленные события не состоятся полностью — в противном случае отсутствие интриги в рассказе превратило бы его в жанр газетного репортажа. Однако два события, объявленные в афише, все же автором представлены — это каток и оркестр. Они становятся не столько местом действия, сколько зрелищем для персонажей из губернаторского павильона. Мастерский отход от заданного афишей плана повествования становится возможным благодаря введению нового отличного по характеру от «отборного общества» неумолкающего персонажа — городского головы купца Еремеева, речи которого и раскрывают главную тему рассказа.

Таким образом, художественное использование документа в литературе оборачивается созданием разнообразных семантических и синтагматических эффектов в поэтике текста, где документ может быть не только социально-бытовым референтом литературного концепта, сюжетным мотивом или символом, но и «отсутствующей структурой» смысла.

© Калганникова И. Ю.
г. Омск

ХРОНОТОП КАК ЭЛЕМЕНТ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЖАНРА (на материале беллетризованной биографии Б. К. Зайцева «Жуковский»)

Литературное произведение обладает сложившейся на протяжении многовекового развития словесного искусства устойчивой художественной структурой, что обеспечивает его целостность как особого автономного образования. Художественная сторона произведения обусловлена его сюжетно-композиционной организацией, совокупностью приемов создания художественного образа, пространственно-временными параметрами, образительными средствами языка. Поэтика служит средством проявления содержания и формирует «вторую реальность» — мир художественного текста. Сюжет как смена событий, развитие действия отражает конфликт и проблематику произведения, раскрывает характеры персонажей. Подобную